

УДК 821.161.1-31.09

Н.Н. Ступницкая

**ИДЕЙНОЕ СХОДСТВО РОМАНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
«В КРУГЕ ПЕРВОМ» И ПОВЕСТИ «РАКОВЫЙ КОРПУС»**

Основываясь на исследованиях предшествующего периода, В.Г. Краснов [2] выявил характерную черту солженицынского романа «В круге первом», состоящую в отсутствии доминирующего мировоззрения, что обусловило возможность сосуществования различных точек зрения. По нашему мнению, это касается и повести «Раковый корпус», которая представляет собой средоточие различных точек зрения, высказываемых людьми по-разному социально детерминированных, но волею болезни сведенных в одном месте при полном отсутствии каких-либо социальных привилегий.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить идейно-тематическое сходство двух произведений А.И. Солженицына.

Пожалуй, наибольший интерес вызывает монографическое исследование о Солженицыне, представленное Ж. Нива [5]. Его книга была опубликована в Париже в 1980 г., в переводе на русский язык появилась в Лондоне в 1984 году. Книга Ж. Нива построена преимущественно как критико-биографический очерк, в котором за хронологией жизни писателя следуют главы, посвященные анализу отдельных этапов жизни и творчества Солженицына. Интерес представляет работа М.А. Николсона [6], который рассматривает творчество Солженицына с точки зрения социалистического реализма.

Исследователи отмечают тесную связь писателя как с современниками, так и с предшественниками. Показательны в этом отношении работы В. Френкеля [12], В. Лакшина [3], С. Небольсина [4]. На основании этих работ можно сделать вывод, что типологический ряд, в который ставится Солженицын, довольно широк, однако все они отмечают связь писателя с такими русскими классиками, как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский.

© Н.Н. Ступницкая, 2014

По мнению А. Якобсона, Солженицын является продолжателем идей Л.Н. Толстого: «Когда явился Солженицын и спас честь русской литературы, его явление было как чудо... А дело в том, что глубоко в земле притаились до поры живые семена, брошенные когда-то мужиковствующим графом. Из такого семечка и вырос Солженицын» [13, с. 241]. Если в романе «В круге первом» влияние Толстого выражается на уровне аллюзий и мировоззренческих особенностей, то в повести «Раковый корпус» книга Л.Н. Толстого вводится непосредственно в быт больных и становится предметом дискуссии.

Вопрос «Чем люди живы?» введен посредством раздумий Ефрема Поддуева и как заглавие рассказа Л.Н. Толстого, которое настолько удачно «было вылеплено, будто сам Ефрем его и составил. Топча больничные полы и думая, не назвав, – об этом самом он ведь и думал последние недели: чем люди живы?» [9, с. 74] Примечательно, что именно Поддуев задает этот вопрос своим соседям по палате. Именно у него возникла острая необходимость докопаться до истины и найти на него ответ. Такой прием позволяет Солженицыну ввести в повествование высказывания Ахмаджана, Тургуна, Демки, Русанова и других, выявив при этом основную тенденцию в понимании этого вопроса, что именно материальными интересами живут люди. Примечательно, что русановский ответ: «Люди живут: идейностью и общественным благом» [9, с. 77] прекращает поток высказываний. «В книге написано было, что живы люди не заботой о себе, а любовью к другим» [9, с. 78], на что Русанов ответил, что это чуждая мораль. Здесь просто напрашивается сравнение с одним из персонажей романа «В круге первом» Виталием Евгеньевичем, одним из референтов в секретариате президиума Верховного Совета.

На вечере у Макарыгиных к нему обратилась девушка с просьбой о помиловании отца, разбитого в лагере параличом, но Виталий Евгеньевич не чувствует жалости к больному умирающему человеку. «Кому-то надо умирать и в лагере. И если подошла пора умирать, так не все ли равно, где умирать?» [8, с. 490]. Зная практику массовых репрессий и осуждение людей за преступления, которые они не совершали, можно предположить, что отец девушки не совершил

ничего серьезного, и рассуждения референта о законе приобретают характер насмешки. «— Если мы будем так рассуждать — что же тогда останется от законодательства? — Он усмехнулся. — Ведь он осужден по суду! Вдумайтесь!» [8, с. 490]. Создается впечатление, что референт не хочет видеть происходящего вокруг него. Он великолепно приспособился и старается взять от жизни как можно больше. Ему двадцать четыре года, значит, он вырос после революции и воспитан советской системой. Его интересует только собственное благополучие и дальнейшее продвижение по службе.

Новый человек — без религиозных предрассудков, моральных рефлексий, нравственной базы, без избытка чувств и переживаний — идеально усредненный человек, избавленный от таланта, совести, чести и достоинства становится основанием и венцом нового общества. Виталий Евгеньевич, так же как и Русанов, — тип самовлюбленного эгоиста, который никогда не сделает ничего, что может ему повредить и не проявит заботы о ближнем. Автор использует вывернутое обвинение, которое нужно ему, чтобы показать искажение общечеловеческих норм в сталинском государстве. Обращение с просьбой о помиловании отца считается недопустимым, а ответ, полный эгоизма и равнодушия, полностью соответствует идеологическим установкам. Так же как любовь к другим людям, является, с точки зрения Русанова, неприемлемой для советского человека. Понятие «общественное благо» очень удобно для адептов советской системы, уютно чувствующих себя среди единомыслия, базирующегося на привычных для них формулировках, отменяя все прочее как чуждое.

Гуманистическому пониманию смысла жизни писатель противопоставляет религиозное понимание, осознающего существование Высших Сил, оказывающих влияние на судьбу человека. В Темплтоновской лекции Солженицын определил главное мировоззренческое и бытийное заблуждение современного человека: «Человек пытается не выявить Божий замысел, но заменить собою Бога» [10, с. 453]. Подобная мысль достаточно четко сформулирована в книге Солженицына «Бодался теленок с дубом»: «Я в своей жизни эту направляющую руку, этот очень светлый, не от меня зависящий, смысл привык с тю-

ремных лет ощущать... Многое в жизни я делал противоположно моей же главной поставленной цели, не понимая верного пути, — и всегда меня поправляло Нечто. Это стало для меня так привычно, так надежно, что только и оставалось задачи: правильной и быстрее понять каждое крупное событие моей жизни» [7, с. 126]. Данное замечание относится и к солженицынским персонажам, их часто направляет Нечто. Его миропонимание восходит к «предопределению судьбы», приведем Раскольникова к совершению убийства. «Он вошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно» [1, с. 81]. Володин понимает, что у него нет выбора. «Опасно, не опасно — другого решения быть не может» [8, с. 13].

Подобная предопределенность судьбы характерна для онкологических больных, что нашло свое отражение в повести «Раковый корпус». Люди разных социальных слоев, различных убеждений и даже противоположного жизненного опыта волею судьбы сведены в тринадцатом корпусе, где они сами уже ничего не могут решить, вместо них все решают врачи. Изнуряющее лечение, зачастую калечащее больных, но только оно способно продлить жизнь людям.

Показательна в этом смысле история Олега Костоглотова, который приехал в больницу умирать, но выжил, что было сродни чуду. Получив приглашение от Веги, даже приехав по ее адресу, он, тем не менее, не встретился с ней. «Если б не эти подушки — с одним подмятым углом, двумя свисавшими как вымя коровье, и одним взнесенным как обелиск — если б еще не подушки, он бы сообразил, решил-ся на что-то. Нельзя было так прямо сразу уйти. Вега, наверно, еще вернется! И скоро вернется! И она тоже будет жалеть! Будет жалеть!

Но в подушках, в матрасах, в одеялах с конвертными пододеяльниками, в простынных знаменах — был тот устойчивый, веками проверенный опыт, отвергать который у него не было теперь сил. Права не было» [9, с. 347].

Несомненна символическая значимость этого эпизода: тут и тысячелетний опыт, обусловивший саму возможность выживания

человечества и самопожертвование, исконно присущее русскому человеку и лежащее в основе христианской религии. Вновь провидение направляет в нужное русло, не позволив принять неверное решение.

Художественный мир, созданный Солженицыным, опирается на отечественную и мировую этико-философскую и эстетическую мысль. «Художественный опыт русской классики, – по мнению А.В. Урманова, – органично входит в художественное сознание современного писателя, о чем свидетельствует постоянное и целенаправленное использование тем, мотивов и образов, разработанных классическими реалистами, а также опора на их этические идеи» [11, с. 181].

Действие развивается в диалогах и спорах героев. Сведенные волею болезни в одном месте, находящиеся под угрозой смерти, герои различной социальной детерминированности ведут многочисленные разговоры. Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживают беседы с врачами Русанова и Костоглотова. Павел Николаевич был обижен отсутствием к нему особого внимания: «Однако, и войдя в палату, врачи не поспешили к койке Русанова!» [9, с. 35]. Герой стремится показать свою значительность: «Так, товарищ Донцова. Я вынужден буду говорить в Минздраве о порядках в этой клинике. И звонить товарищу Остапенко» [9, с. 37]. Костоглотов же приводит совершенно иные аргументы, он «не хотел бы платить слишком большую цену сейчас за надежду пожить когда-нибудь. Я хочу положиться на защитные силы организма...» [9, с. 41]. Русанов требует особого к себе отношения, стремится всячески подчеркнуть свое привилегированное положение. Костоглотов же хочет докопаться до сути лечения, понять какие последствия оно за собой повлечет и осознанно сделать выбор. Павел Николаевич заботится о внешнем и наносном, абсолютно не обращая внимание на суть того, что с ним происходит. Главное для него – выжить, любой ценой, не задумываясь о последствиях. Просто продолжить жить. Олега интересует суть, правда, которую врачи не говорят пациентам. Он хочет не просто выжить, а иметь возможность вести наиболее полноценную жизнь, именно этим и обусловлено его стремление выяснить сколько уколов и сеансов рентгена ему необходимо.

Система здравоохранения в СССР была сходна с правилами ареста, поскольку в обоих случаях человек наталкивался на стену молчания и лжи, не имея возможности получить достоверную информацию о своем будущем. Попав в больницу, пациент оказывался в полной власти врачей, молча делавших свое дело, производивших необходимые манипуляции, ничего не разясняя больному. Так, доктор Донцова говорит Русанову: « – Вообще мы не обязаны называть больным их болезнь» [9, с. 38]. Пациент не рассматривался как мыслящее существо, из субъекта он превращался в бессловесный объект, которому не нужно было ничего объяснять и тратить время на разговор с ним. Об этом Костоглотов прямо говорит Донцовой: «Ведь вы ни о чем не спрашиваете больного, ничего ему не поясняете» [9, с. 56]. Подобным же образом вели себя тюремщики с заключенными.

До мельчайших подробностей Солженицын описывает в романе «В круге первом» все процедуры ареста, которые кажутся Володину бессмысленными. Арестованный погружался в незнакомый мир и, не получая объяснений и поддержки, вынужден был учиться на собственных ошибках. С Володиным обращались как с вещью, производя необходимые действия, не объясняя, для чего это делается. Такая молчаливая методичность подавляла волю арестанта, заставляла его молча подчиняться тюремному режиму. «Уничтожающая идея первых часов тюрьмы состоит в том, чтобы отобщить новичка от других арестантов, чтоб никто не подбодрил его, чтоб на него одного давило тупее, поддерживающее весь разветвленный многотысячный аппарат» [8, с. 718]. Все попытки разобраться наталкивались на стену молчания. На вопрос женщины-медработника о жалобах, Володин ответил: « – За что меня арестовали? Дайте прочесть ордер! Дайте прокурора!» [8, с. 707]. Герой расценил вопрос, как возможность добиться объяснений, но женщина интересовалась состоянием здоровья Иннокентия. Правовой аспект задержания никого не интересовал.

Подобным же образом ведут себя и врачи в повести Солженицына «Раковый корпус». Костоглотов всячески сопротивляется этому. Именно он говорит Донцовой: «Человек – может распоряжаться

своей жизнью, нет?» [9, с. 56]. И дальше развивает свою мысль: «Вы сразу исходите из неверного положения: раз больной к вам поступил, дальше за него думаете вы. Дальше за него думают ваши инструкции, ваши пятиминутки, программа, план и честь вашего лечебного учреждения. И опять я – песчинка, как в лагере, опять от меня ничего не зависит» [9, с. 56]. Больной, как и заключенный, не получает никаких разъяснений, ему только и остается, что собирать отрывочные сведения от таких же больных или чрезвычайными усилиями приоткрывать завесу, добиваясь крупинки сведений от врачей и от товарищей по несчастью. В обоих случаях люди наталкиваются либо на стену молчания, либо лжи.

Но на возмущение героя никто не обращал внимания, и ничего не отвечали. «Во всех здешних больше всего поражала Иннокентия способность молчать, когда нормальные люди отвечают» [8, с. 705]. Он ни от кого не мог получить объяснений. Противоположность ситуации становится очевидной, если учесть, что люди разговаривают с собеседниками, которые им отвечают, такая человеческая действительность.

Писатель не пользуется общепринятыми названиями, так как, глядя с позиции «природы», стремится подчеркнуть странность и неестественность подобных действий. Употребление языка протоколов свидетельствует о невозможности объяснить эти процедуры, пользуясь общеупотребительным русским языком. Подобным образом автор расширил границы восприятия. Процедуры ареста из круга Лубянки восходят к самому высшему эшелону власти. Подобным же образом поведение врачей свидетельствует об общей тенденции советского общества, все сферы жизни которого строились на недоговоренности и полуправде.

Представленный в данной статье материал, несмотря на вынужденную неполноту, позволяет сделать вывод об идейно-тематическом сходстве двух произведения Солженицына, описывающие хотя и разные стороны советской жизни, а именно: пенитенциарную систему и систему здравоохранения, но выявляющие несомненное сходство в функционировании обеих.

Творчество Солженицына сохраняет свою актуальность и в наше время, так как вопрос человеческих взаимоотношений, ответственности и праве выбора порождает множество дискуссий и в современном обществе.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – М.: Правда, 1988. – 464 с.
2. Краснов В.Г. Многоголосость героев в романе Солженицына «В круге первом» / В.Г. Краснов // Грани. – 1977. – № 103. – С. 155-175.
3. Лакшин В. Булгаков и Солженицын: К постановке проблемы / В. Лакшин // Советская библиография. – 1992. – № 2. – С. 95-101.
4. Небольсин С.А. Шолохов, Пушкин, Солженицын / С.А. Небольсин // Наш современник. – 1992. – № 5. – С. 180-192.
5. Нива Ж. Солженицын / Ж. Нива. – М.: Худож. лит., 1992. – 189, [2] с.
6. Николсон М.А. Солженицын как «социалистический реалист» // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008: [Сб. ст. / сост. и авт. вступ. ст. Э.Э. Эрикссон, мл.; коммент. О.Б. Василевской]. – М.: Русский путь, 2010. – С. 476-498, коммент.: с. 686.
7. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни / А.И. Солженицын. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М.: Согласие, 1996. – 687, [1] с.
8. Солженицын А.И. В круге первом / А.И. Солженицын. – М.: Художественная литература, 1990. – 765, [1] с.
9. Солженицын А.И. Не стоит село без праведника: Повести и рассказы / А.И. Солженицын. – М.: Изд-во «Кн. палата», 1990. – 574 с.
10. Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. / А.И. Солженицын. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. издательство, 1995. – Т. 1: Статьи и речи. – 1995. – 720 с.
11. Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына: Учебное пособие для студентов и преподавателей филологов / А.В. Урманов. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 380 с.
12. Френкель В. В круге последнем: Варлам Шаламов и Александр Солженицын / В. Френкель // Даугава. – 1994. – № 4. – С. 79-82.
13. Яковсон А. О романтической идеологии / А. Яковсон // Новый мир. – 1989. – № 4. – С. 231-243.

Анотація**Н.М. Ступницька. Ідейна схожість романів****О.І. Солженіцина «В колі першому» і повісті «Раковий корпус».**

У статті зіставлений роман «В колі першому» і повість «Раковий корпус», виявлено ідейну подібність даних творів. Ми вважаємо, що солженіцинський принцип побудови художнього тексту, що полягає у відсутності домінуючого світогляду, знайшов своє втілення в обох творах і зумовив можливість співіснування різних точок зору.

Духовний досвід Л.М. Толстого має величезне значення для Солженіцина. Якщо в романі «В колі першому» вплив Толстого виражається на рівні алюзій і світоглядних особливостей, то в повісті «Раковий корпус» книга Л.М. Толстого вводиться безпосередньо в побут хворих і стає предметом дискусії. В обох творах дія розвивається в діалогах і суперечках героїв. Зведені волею хвороби або арешту в одному місці, герої різної соціальної детермінованості, що перебувають під загрозою смерті, ведуть численні розмови.

У статті запропоновано порівняння двох систем Радянського Союзу, а саме: пенітенціарної та охорони здоров'я, виявлено безсумнівну подібність у функціонуванні обох. Пациент не розглядався як мисляча істота, з суб'єкта він перетворювався в безсловесний об'єкт, якому не треба було нічого пояснювати і витратити час на розмову з ним. З заарештованим поводитися як з річчю, виконували необхідні дії, не пояснюючи, для чого це робиться. Така мовчазна методичність пригнічувала волю арештанта, змушувала його мовчки підкорятися тюремному режиму. Подібним чином Солженіцин виявив загальну тенденцію радянського суспільства, усі сфери життя якого будувалися на недовірливості і напівправді.

Ключові слова: роман, повість, духовний досвід, алюзія, діалог, мисляча істота, суб'єкт, об'єкт, річ, воля, режим, тенденція.

Аннотация**Н.Н. Ступницкая. Идейное сходство романа А.И. Солженицына «В круге первом» и повести «Раковый корпус».**

В статье сопоставлен роман «В круге первом» и повесть «Раковый корпус», выявлено идейное сходство данных произведений. Мы полагаем, что солженицынский принцип построения художественного текста, состоящий в отсутствии доминирующего мировоззрения, нашел свое воплощение в обоих произведениях и обусловил возможность сосуществования различных точек зрения.

Духовный опыт Л.Н. Толстого имеет огромное значение для Солженицына. Если в романе «В круге первом» влияние Толстого выражается на уровне аллюзий и мировоззренческих особенностей, то в повести «Раковый корпус» книга Л.Н. Толстого вводится непосредственно в быт больных и становится предметом дискуссии. В обоих произведениях действие развивается в диалогах и спорах героев. Сведенные волею болезни или ареста в одном месте, находящиеся под угрозой смерти, герои различной социальной детерминированности ведут многочисленные разговоры.

В статье предложено сравнение двух систем Советского Союза, а именно: пенитенциарной и здравоохранения, выявлено несомненное сходство в функционировании обеих. Пациент не рассматривался как мыслящее существо, из субъекта он превращался в бессловесный объект, которому не нужно было ничего объяснять и тратить время на разговор с ним. С арестованным обращались как с вещью, производя необходимые действия, не объясняя, для чего это делается. Такая молчаливая методичность подавляла волю арестанта, заставляла его молча подчиняться тюремному режиму. Подобным образом Солженицын выявил общую тенденцию советского общества, все сферы жизни которого строились на недоговоренности и полуправде.

Ключевые слова: роман, повесть, духовный опыт, аллюзия, диалог, мыслящее существо, субъект, объект, вещь, воля, режим, тенденция.

Summary**N.N. Stupnitskaya. Ideological Similarity of the Novel by****A.I.Solzhenitsyn «The First Circle» and the story «Cancer Ward».**

The novel “The First Circle” and the story “Cancer Ward” are compared. Ideological similarity of these works is revealed. We believe that Solzhenitsyn’s principle of creation of the literary text, which consists in the absence of the dominant ideology, embodied in both works and gave a possibility of coexistence of different points of view.

L.N. Tolstoy’s spiritual experience has a huge value for Solzhenitsyn. If in the novel “The First Circle” the influence of Tolstoy is expressed at the level of allusions and philosophical features, in the story “Cancer Ward” the book of L.N. Tolstoy is injected directly into the everyday life of patients and becomes a subject of discussion. In both works the action develops in the dialogues and disputes of heroes. Taken by the will of the disease or arrest in one place, under threat of death, heroes of various social determinacies have numerous conversations.

In this paper, we propose a comparison of the two systems of the Soviet Union, namely: penitentiary and health care; undoubted similarity in functioning of both systems is revealed. The patient was not considered as a thinking creature. From the subject he turned into a dumb object that one did not have to explain anything to or spend time talking with. The arrested person was treated as a thing; the necessary steps were made without any explanation of a reason. This silent method suppressed the will of a prisoner and led him silently to obey prison regime. By doing so, Solzhenitsyn revealed the general tendency of the Soviet society: all spheres of its life were based on half-truths and reticence.

Key words: novel, story, spiritual experience, allusion, dialogue, thinking creature, subject, object, thing, will, regime, tendency.

Інформація про автора

Ступницька Наталія Миколаївна: ORCID: 0000-0002-7560-0049; кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов № 2 Харківського національного автомобільно-дорожного університету; вул. Петровського, 25, м. Харків, 61002, Україна